

оригинальная статья

Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках

Екатерина Сергеевна Ошанова

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Россия, г. Ижевск; <https://orcid.org/0000-0003-1605-1315>; oshanova_katja@mail.ru

Поступила в редакцию 24.06.2021. Принята после рецензирования 28.07.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Рассматривается вопрос о прагматической идентичности модальных маркеров в русском, немецком и удмуртском языках. Цель работы состоит в описании семантико-прагматических свойств немецких, русских и удмуртских высказываний с включенными модальными маркерами. Следует отметить, что высказывания с модальными маркерами в немецком, русском и удмуртском языках содержат весь комплекс лексических средств выражения модальности. Возможно, это объясняется тем, что указанные языки характеризуются как наиболее живые, яркие и богатые, отражают самобытность и культуру народов. Актуальность данной темы обусловлена потребностью в установлении функциональной эквивалентности модальных маркеров в анализируемых языках. Изучение прагматических особенностей модальных маркеров происходит в процессе коммуникации на основании лингвистических и экстралингвистических (контекстных) факторов. Следует также отметить, что модальные маркеры в структуре высказывания могут сигнализировать о различных чувствах, эмоциях, эмоционально-экспрессивных реакциях коммуникантов. Анализ теоретических работ и практического материала позволяет сделать вывод, что рассмотренные модальные маркеры в немецком, русском и удмуртском языках обладают как семантическим, так и прагматическим единством. Коммуникативно-прагматические характеристики высказываний отличаются разнообразием основного смысла из-за особенности субъективно-модальных оттенков модальных маркеров.

Ключевые слова: модальные слова, модальные частицы, функциональная эквивалентность, коммуникативно-прагматические значения, субъективно-модальные оттенки

Цитирование: Ошанова Е. С. Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 805–813. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-805-813>

Введение

Для выражения модальной семантики в немецком, русском и удмуртском языках используются самые разнообразные средства. В настоящей статье в качестве модальных маркеров рассматриваются модальные слова и модальные частицы. К модальным маркерам относятся такие слова, которые формируют синтаксическую, реляционную и модальную структуру высказывания, говорящий использует их для обозначения коммуникативно-прагматических значений [1]. Согласно цели работы были поставлены следующие задачи: обозначить семантику слов-маркеров, относящихся к модальным, в немецком, русском и удмуртском языках; рассмотреть вопрос о прагматической эквивалентности высказываний с модальными маркерами.

В качестве эмпирической базы для анализа были выбраны текстовые фрагменты разговорной речи в художественных произведениях носителей немецкого, русского и удмуртского языков. Анализ литературных текстов обусловлен в первую очередь тем, что они позволяют рассмотреть проявления особенностей высказываний с модальными маркерами в разных коммуникативно-прагматических контекстах, т. к. любое художественное произведение, несомненно, насыщено изобилием характеристик его героев.

В настоящей работе применялись сопоставительный анализ для выявления структурных характеристик модальных маркеров в русском, немецком и удмуртском языках; метод контекстуального анализа; метод семантической и прагматической интерпретации.

Необходимо указать и на экстралингвистический контекст, который включает актуальное языковое окружение анализируемых языковых единиц, комплекс языковых средств, реализующих передачу идентичного значения или выполнения схожей функции.

Для анализа были выбраны индоевропейские языки (германская группа, славянская группа), финно-угорские языки (пермская группа), в которых количество модальных слов и модальных частиц достаточно велико. Следует отметить, что немецкий, русский и удмуртский языки относятся к языкам с развитой системой модальных средств.

Модальные слова и модальные частицы в немецком, русском и удмуртском языках

Своеобразие значений модальных слов проявляется в том, что они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения, подчеркивают

употребление и экспрессию отдельных слов [2]. Общие свойства модальных слов характеризуют значения модальных отношений, обозначенных В. В. Виноградовым как субъективно-объективные отношения [3]. Модальные слова как выразители данных отношений указывают на выражение точки зрения говорящего при определении статуса соотношения высказывания и объективной действительности по степени его реальности [4]. Также модальные слова обладают метатекстовым значением – общее грамматическое значение оценки говорящим своего высказывания [5].

Модальные слова в немецком языке как коммуникативно-грамматическая категория подразделяются на следующие группы:

- оценочные: *glücklicherweise* (к счастью), *leider* (к сожалению), *hoffentlich* (надо надеяться), дают субъективно-экспрессивную оценку предложению;
- усилительные: *zweifellos* (несомненно), *unbedingt* (безусловно), *selbstverständlich* (очевидно, само собой разумеется), отражают главную мысль;
- суммирующие (обобщающие): *übrigens* (впрочем), *in einem Wort* (одним словом), *eigentlich* (на самом деле), обобщают высказывание в единое целое;
- предположительные: *wahrscheinlich* (вероятно), *angeblich*, *anscheinend* (по-видимому), *möglich*, *vermutlich* (возможно), *wirklich* (действительно), могут выражать как достоверность / уверенность, так и неуверенность [6].

Что касается трактовки модальных слов в русском языке, необходимо отметить, что на сегодняшний день в научных исследованиях нет точного определения для класса модальных слов. Первыми лингвистами, кто выделил модальные слова как отдельную категорию слов, считаются А. А. Потебня [7] и В. В. Виноградов [8]. О том, что модальные слова относятся к средствам выражения модальности предложения, трактуются и в трудах А. А. Шахматова [9], В. М. Жирмунского [10].

По мнению А. В. Авериной, рассмотренные В. В. Виноградовым группы модальных слов различны по своей семантике и не всегда отражают модальные характеристики в их классическом толковании. Таким образом, к собственно модальным словам по признакам и значению можно отнести модальные слова, включающие в себя слова с семантикой эпистемической модальности (*действительно*, *разумеется*, *безусловно*, *наверно*, *конечно*, *стало быть* и т. д.) и слова с семантикой эвиденциальности, указывающие на источник сообщаемой информации (*видно*, *слышно*, *говорят*, *кажется* и т. д.). Автор отмечает тот факт, что собственно модальное значение выражается при помощи модальных слов с эпистемической и эвиденциальной семантикой [11].

Современный удмуртский язык является весьма колоритным и богатым, его используют как родной язык на территории Удмуртской республики, в удмуртских глубинах в быту, на работе и дома. Необходимо подчеркнуть, что удмуртский язык богат своей грамматической и лексической структурой. У модальных слов удмуртского языка

отсутствуют лексические значения предметности, признака или действия [6].

К основной морфологической характеристике модальных слов в удмуртском языке относят их неизменяемость и функционирование в языке в застывшей морфологической форме исходного знаменательного слова. Как отмечает Т. М. Кибардина, не существует одной грамматической формы знаменательного слова, благодаря которой у слова могут появиться модальные значения, т. к. происхождение данных слов в удмуртском языке связано с разными знаменательными частями речи. Данная особенность касается и модальных слов удмуртского языка, которые в большинстве случаев образовались от разных грамматических форм глаголов [12].

Например, от глаголов образованы следующие модальные слова: *шуом* (скажем, допустим, положим, предположим); *адске* (видимо, вероятно, кажется, видно); *валамон* (понятно), *шуо* (говорят), *вылды* (наверно, скорее всего, может быть, вероятно, по-видимому), *яралоз* (ладно, хорошо). Они передают субъективные отношения к высказываемому [12; 13, с. 365–370]. Также выделяют в современном удмуртском языке следующие модальные слова: *зэм* (действительно, правда), *зэм но* (и правда), *зэмзэ ик*, *зэмен ик* (и вправду, действительно, в самом деле), *шонер* (правда), *зэмзэвераса* (честно говоря). Данные модальные слова указывают на значение уверенности и неуверенности [6].

Модальные частицы, как и модальные слова, выражают точку зрения говорящего к действительности или указывают на особенности отдельных выражений в составе предложения. Как правило, они позволяют говорящему выразить оценку фактичности ситуации и одновременно маркируют обращенность к собеседнику с целью скорректировать его позицию. Предложения с модальными частицами не несут новой информации, а выражают установку говорящего относительно какого-либо положения дел [14].

Лингвисты, занимающиеся изучением немецких модальных частиц, до настоящего времени не пришли к единому мнению относительно определения данного класса слов. В научных работах по данной проблематике встречаются следующие трактовки – *modale Partikeln*, *Modalpartikeln* [15–18]; *Farbewörter*, *Füllwörter* [19]; *Abtönungspartikeln* [20–22]; *Satzpartikeln*, *Einstellungspartikeln* [23]; *Würzwörter*, *Satzpartikeln*, *illokutiv Partikeln* [24]; *redeleitende Partikeln* [25]. Мы обозначаем такие частицы, как *doch*, *denn*, *aber*, *ja*, *mal*, *wohl*, *etwa*, *bloß*, *gar*, *nur*, – *Modalpartikeln* (модальные частицы) [1].

Исследования русского языка в области модальных частиц указывают на большую вариативность в обозначении данного класса слов. Можно отметить следующие определения: слова-заплаты, слова-заполнители, слова-приправы. Относительно лексических значений модальных частиц, совпадающих с их экспрессивными функциями, можно выделить следующие: *ведь*, *ка*, *вот*, *же*, *ж*, *-то*, *ли*, *как*, *уж*, *ну*, *только*, *разве* [1].

Модальные частицы удмуртского языка считаются неотъемлемой частью предложения и представляют на сегодняшний день сложную проблему в удмуртском языкознании, поскольку исследований, посвященных модальным частицам удмуртского языка, на данном этапе представлено не так много. Отмечают, что модальные частицы добавляют смысловой оттенок к значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений [11]. Для выражения усиления значения в грамматике удмуртского языка «Воршуд» выделяют следующие частицы: *-а* (ли), *ик* (же, ведь), *ини* (уж), *шат* (разве), *меда* (ли), *мед* (да, пусть), *али* (-ка), *ай* (да, ведь, -ка), *но* (уж, же), *я* (ну), *ук* (ведь, же), *уго* (ведь, же), *бен* (да) [1].

Следовательно, общей характеристикой русских, немецких и удмуртских высказываний, включающих модальные слова и модальные частицы, является их связь с пропозициональным содержанием высказывания.

Модальные маркеры выражены в высказывании большей частью в сочетании друг с другом и в совокупности с другими оценочными показателями (повторы, персонализации), что в свою очередь усиливает эмоциональность высказывания [26].

Необходимо отметить и отличия:

- модальные слова могут находиться в высказывании под ударением, модальные частицы же безударны;
- модальные слова лексически более самостоятельны, в то время как происхождение большинства модальных частиц до сих пор остается спорным вопросом [6].

В данной статье продемонстрируем примеры, где представлена совокупность модальных средств: *модальная рамка + модальное слово + модальная частица*.

При интерпретации высказывания необходимо выявить его общую коммуникативно-прагматическую направленность, а также «эмоциональный смысл», который отражает мысли и чувства говорящего в определенной коммуникативной ситуации.

Результаты

Немецкий язык

(1) *Jule jedoch, zuerst erschrocken über diesen Schlag, blieb fest: "Ihr könnt mich nicht zwingen mitzufahren. Ich bleibe bei euch. Wenn ihr mich mit Gewalt wegschicken wollt, laufe ich fort".*

*Was blieb seinen Eltern da anderes übrig, als nachzugeben? Julians Mutter begann zu weinen, und sein Vater lenkte schweren Herzens ein: "Na gut! Dann warten wir noch ab. Wird ja hoffentlich nicht der letzte Transport gewesen sein"*¹.

Однако Юлиан, сначала потрясенный этим ударом, оставался твердым: «Вы не можете заставить меня пойти

с вами. Я останусь у вас. Если вы захотите отправить меня силой, то я уйду».

Что еще могли сделать его родители, кроме как сдаться? Мать Юлиана заплакала, а отец с тяжелым сердцем уступил: «Хорошо! Тогда подождем еще. Уж надеюсь, это был не последний транспорт»².

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-беспокойство** выражена модальным словом **hoffentlich**, модальной частицей **ja** и специальной глагольной формой будущего времени – Futur II, выражающей предположение.

(2) *"Wir müssen morgen sowieso zur Türheim'schen, und dem Jünger-Alibi sollten wir auch nachgehen". Aber für heute reicht es mir eigentlich. Außerdem wollte ich noch mit Julia und Ulli reden, was die dazu meinen, wenn ich Brigitte anrufe. Muss aber eigentlich auch nicht gleich heute sein*³.

Мы все равно должны ехать завтра к Тюргеймам, и мы также должны следовать алиби Юнгера». Но на сегодня мне этого достаточно. Кроме того, я также хотел поговорить с Юлией и Улли о том, что они думают по поводу того, если я позвоню Бригитте. Но, на самом деле, это не обязательно должно быть сегодня.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-успокоение** выражена модальным словом **eigentlich**, модальной частицей **aber** и повествовательным предложением с модальным глаголом **müssen**, указывающим на предположение, основанное на объективных фактах и размышлениях.

(3) *"Ich bekomme jedes Mal eine Gänsehaut, wenn dieser Büttel Anubis' unseren Boden nur betritt". Antef schüttelte sich vor Abscheu. "Hast du nicht gemerkt, wonach er riecht? Nach Tod und Verwesung – und wenn seine Truhen tausend Mal von Gold und Silber überquellen. Dagegen können selbst viele Krüge feinsten Safranöls nichts ausrichten". Er beugte sich hinunter, um Tamas schnurgerade gezogenen Scheitel zu küssen. "Gibt es denn wirklich niemand anderen, für den du weiben könntest, mein Herz?"*

"*Natürlich*", erwiderte Tama ungerührt, "sogar Dutzende"⁴.

«У меня мурашки по коже каждый раз, когда этот судейный пристав Анупис только вступает на нашу землю». Антеф содрогнулась от отвращения. «Разве ты не заметил, как он пахнет? Смертью и разложением – и тогда его сундуки тысячу раз переполнятся золотом и серебром. С другой стороны, даже многие кувшины лучшего шафранового масла ничего не могут сделать». Он наклонился, чтобы поцеловать Таму в голову, вытянувшуюся прямо, как засов. «Неужели действительно нет никого другого, для кого ты бы могла ткать, мое сердце?».

¹ Kordon K. Julians Bruder. Hamburg: Ein Gulliver von Beltz & Gelberg, 2006. S. 111.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

³ Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. S. 96.

⁴ Brigitte Riebe Schwarze Frau vom Nil. München: Droemersch Verlag, 2001. S. 171.

«Конечно, есть – невозмутимо ответила Тама, – даже десятки».

Коммуникативно-прагматическая направленность **вопрос-удивление** выражена модальным словом *wirklich*, модальной частицей *denn* и вопросительно-утвердительным предложением.

(4) "Chef. Noch was. Ich bin ja jetzt mit Ihrer Julis zusammen. Aber das ist privat. In der Dienstzeit tun wir am besten so, als ob nichts wäre. Sind Sie einverstanden?"

"Okay. Versuchen wir es, Thiele. Vielleicht wäre es aber möglich, dass Sie nicht unbedingt bei mir einziehen", setzt er anzüglich hinzu⁵.

Шеф. Еще кое-что. Я сейчас с Вашей Юлией. Но это личное. Во время службы лучше всего притворяться, как будто ничего не было. Вы согласны?»

«ОК. Давай попробуем, Тиле. Но, может быть, Вам не обязательно переезжать ко мне», – колко добавляет он.

Коммуникативно-прагматическая направленность **сомнение-ирония** выражена модальным словом *möglich*, модальной частицей *aber* и сослагательным наклонением.

(5) Mit quietschenden Reifen und einem gewagten Wendemanöver, das Thiele kurzfristig den Atom stocken lässt, schafft es Reinhold Lorenz jedoch, den Dienstpassat einige Zentimeter vor dem Nobelgefährt zum Stehen zu bringen.

Wütend reißt Franz Jünger die Autotür auf.

"Sind Sie noch bei Trost? Was soll das?"

"Entschuldigen Sie. Sie hätten uns sonst vermutlich gar nicht gesehen. Wir haben noch einige Fragen an Sie, und ich wollte Ihnen den Weg ins Präsidium ersparen", erwidert Lorenz gelassen⁶.

Однако с визгом шин и дерзким маневром, заставившим Тиле на короткое время замереть, Райнхольду Лоренцу удается перейти в сервисное положение в нескольких сантиметрах перед роскошным автомобилем.

Франц Юнгер сердито распахивает дверцу машины.

«Вы немного не в себе? Что это значит?».

«Извините. Иначе Вы бы нас, наверное, вообще не увидели. У нас еще есть к Вам несколько вопросов, и я хотел извинить Вас от поездки в Президиум», – спокойно отвечает Лоренц.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-оправдание** выражена модальным словом *vermutlich* , частицей *gar* и сослагательным наклонением.

(6) So lagen unsere Wohnungen einander schräg gegenüber und Jule und ich konnten von Fenster zu Fenster Kontakt miteinander halten.

Ja, wir waren wohl wirklich so etwas wie Zwillinge – weil wir so unzertrennlich waren. Immer steckten wir zusammen, nur selten sah man einen von uns allein⁷.

Наши квартиры располагались по диагонали друг от друга, и мы с Юлием могли поддерживать связь из окна в окно.

Да, мы же действительно были чем-то вроде близнецов – потому что мы были неразлучны. Мы всегда были вместе, редко кого-то из нас видели в одиночестве.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-гордость** выражена модальным словом *wirklich*, модальной частицей *wohl* и повествовательным предложением констатирующего характера.

Русский язык

(1) – Видите ли... Я бы мог просто порекомендовать вам прочесть книгу моих рассказов. Но, конечно, не ручаюсь, что вы непременно наткнетесь в них на «смешные штуки».

– Да нет, нет! Вы мне расскажите! Мне хочется послушать, как вы рассказываете... **Вот, наверное**, за бока схватитесь!..

Я незаметно пожал плечами и неохотно сказал:

– Ну, слушайте...⁸

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-предвкушение** выражена модальным словом *наверное* , модальной частицей *вот* и восклицательным предложением.

(2) Позвольте предложить вам стул... Садитесь, ваше превосходительство.

– Успею. Зачем это я вам понадобился?

– Справочка одна. Не знаете ли вы, как это понимать: взывание морского сбора в здешнем городе?

– Как понимать? Очень просто.

– Да ведь моря-то тут нет!

– Неужели? Гм... А **ведь** в самом деле, **кажется**, нет. Действительно нет⁹.

Коммуникативно-прагматическая направленность **сомнение-удивление** выражена модальным словом *кажется* , модальной частицей *ведь* и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, которая является периферийным средством выражения сомнения.

Соответствующая интонация подразумевает в данных высказываниях эмоционально-экспрессивный оттенок, проявляющийся благодаря внесению в смысловую структуру высказывания целого ряда оттенков, выражающих отношение говорящего лица к сообщаемой им информации.

(3) И вдруг Чикалкину ударило в голову:

«А что, если...»

Он схватил начатое письмо и изорвал его в клочья.

– Положим... Не может быть!.. А вдруг!

Октябрист Чикалкин долго ходил по комнате и наконец, всплеснув руками, сказал:

⁵ Spraude E. Spiess-Gesellen... S. 143.

⁶ Там же. S. 267.

⁷ Kordon K. Julians Bruder... S. 13.

⁸ Аверченко А. Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. М.: Политиздат, 1991. С. 31.

⁹ Там же. С. 68.

– **Ну конечно!** Просто нужно поехать к исправнику и спросить о причине неразрешения. В крайнем случае – припугнуть¹⁰.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-убежденность** выражена модальным словом **конечно**, модальной частицей **ну** и восклицательным предложением.

(4) Поговорив с местными людьми и тестем Форха, Перри догадался, что и в средние по снегам и дождям годы каналы будут так маловодны, что по ним и лодка не пройдет. А про сухое лето и говорить нечего, – одна песчаная пыль поднимется на канальном русле.

«Тогда я отца-то, **пожалуй**, больше не увижу!»¹¹.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-печаль** выражена модальным словом **пожалуй**, модальной частицей **-то** и восклицательным предложением.

(5) Михаил Александрович! – крикнул он вдогонку Берлиозу.

Тот вздрогнул, обернулся, но успокоил себя мыслью, что его имя и отчество известны профессору также из каких-нибудь газет. А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?

И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумашедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, **уж наверно**, ничего не сказано¹².

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-недоумение** выражена модальным словом **навверно**, модальной частицей **уж** и повествовательным предложением с соответствующей интонацией.

(6) Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана.

– Да-с, – продолжал Иван, – **знается!** Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Верно говорю! Все видел – и балкон и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь.

– Ну-те, ну-те...

– Ну **вот, стало быть**, я иконку на грудь пришил и побежал...

Тут вдруг часы ударили два раза.

– Эге-ге! – воскликнул Иван и поднялся с дивана, – два часа, а я с вами время теряю!¹³

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-уверенность** выражена модальным словом **стало быть**, модальной частицей **вот** и повествовательным

предложением, передающим информацию о происходящем событии.

Удмуртский язык

(1) – Кызьы гожтомы пионеръёслы?

– Кызьы гожтомы? Созэ, оло, нырысь ик Дарья Петровналэсь юано? Даниил Александрович – солэн картэз, озьы бере, со ик вераны кулэ, кызьы, мар ивор сётоно Украинаысь следопытъёслы.

– Таиз **но шонер**. Мынам малпамея, Дарья Петровнаез одно ик ыстоно отчы, Украинае¹⁴.

– Как напишем пионерам?

– Как написать? Может быть, сперва спросить у Дарьи Петровны? Даниил Александрович – её муж, раз так, он должен сказать, что нужно сообщить украинским следопытам.

– **Уж и это правда**. По-моему, Дарью Петровну точно туда в Украину нужно послать.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-одобрение** выражена модальным словом **шонер**, модальной частицей **но** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(2) – Возьытсэ ыштэм адями со. Уляно комсомольсь!

Василий Петрович но кыл курыз:

– **Бен, шонер** верады. Адями мыдлане коже, юэ, прогуль-ёс лэсьтэ, нош аслэсьтыз янгышсэ валамез уг поты. Нош асьмеос? Асьмеос ма учкыса улймы? Малы ём адъе пияшлэсь мыдлане кожемзэ, малы дыраз ём юрттэ солы?

– Кызьы солы юрттоно на?

– Оло, яслие сямен, китйз валтыса нуллоно сое?¹⁵

– Это человек, который совесть потерял. Надо исключить его из комсомола!

– **Да, верно**, сказали. Народ не правильно поступает: пьет, прогуливает, а свою неправоту не хочет понять. А мы? А мы-то, что смотрели? Почему мы не увидели, что парень не правильно поступает, почему вовремя ему не помогли?

– Как ему еще помочь-то?

– Может быть, как в ясли за руки водить его?

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-согласие** выражается модальным словом **шонер**, утвердительной частицей **бен** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(3) Оежытак ке но възьдаськы ук, кочыш апай! – нош ик чильыктэ зольгыри. – Тон пыласькыны вунэтиед ук! Тынад кузёед но, солэн кышноез но, дуннеысь вань адямиос но азьло пыласько, собере сисько. Тон сое уд тодиеськы шат?

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Платонов А. П. Повести и рассказы. М.: Правда, 1983. С. 28.

¹² Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1988. С. 49.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросьёс но повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 69.

– **Зэм но ук!** – шуиз кочыш¹⁶.

– Хоть немножко постесняйся, сестрица кошка! – снова чирикает воробей. – Ты же умыться забыла! И твой хозяин и его жена почитаемые люди, но они сначала умываются, а потом кушают. Ты разве этого не знаешь?

– **И правда ведь!** – сказала кошка.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-осознание** выражается модальным словом **зэм но**, модальной частицей **ук** и восклицательным предложением.

(4) – Берпумзэ юасько: кӧня коммунистӕс, комсомолецӕс кылемын милемлы пумит нюръяськыны, кытын соос?

– Уг тодӕсӕс: трос соос, – кален гинэ враз Толя. – Кытынзэс нош уг тодӕсӕс. Мон гинэ тани тазы курег сӕмен шеди тӕ кие.

– Уд вера? Мар **бен, яралоз**, – офицер со дорын сӕлӕс часовойлы маар ке шыпыртӕз. Соиз син куспын потыса кошкыз но соку ик нӕль-вить солдатӕсын ӕиш пыриз¹⁷.

– Последний раз спрашиваю: «Сколько коммунистов, комсомольцев осталось воевать против нас? Где они?»

– Не знаю: «Их много, – только тихо сказал Толя. – А где они, не знаю. Только я, как курица, в ваши руки попал».

– Не скажешь? **Ну и, ладно**, – офицер шепнул что-то часовому стоявшему рядом с ним. Часовой в мгновение ушел, но тут же вошел вместе с четырьмя-пятью солдатами.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-угроза** выражается утвердительной частицей **бен**, модальным словом **яралоз** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(5) – Ну, Митя, ӕй возьма вал мон тынӕсӕтыд сӕчӕ чурьитӕ.

– Мон-а чурьит? Ӕжыт-а юиды мон чотын?

– Зэм. Юим. Юом но. Мынӕм, маар ваменӕськысӕкод? Нӕльӕс но луозы. Эх, кӕчӕ чеберӕс! Ми кенешим ини: соос витӕзы.

«**Зэм но**, мыноно **шат?** – малпан чилектӕз Митялӕн йьраз. – Трос уг юи. Ӕжыт шулдырӕсӕко но берто...»¹⁸.

– Ну, Митя, я не думал о твоей жадности.

– Я жадный? Мало вытили за мой счет?

– Правда. Пили. Будем пить. Пойдем, что упрямишь-ся! Девушки тоже будут. Ах, какие красивые! Мы уже договорились.

– «**И правда**, не пойти **ли?**» – промелькнула мысль в голове Мити.

Коммуникативно-прагматическое значение **сомнение-любопытство** выражено модальной частицей **шат**, модальным словом **зэм но** и вопросительно-риторическим предложением.

(6) Со вакытӕ ос усӕтӕськӕм, ӕгит ӕксӕйлӕн кузпалыз, перӕс ӕксӕй-лӕн покчи нӕльыз, пырем.

Ой, Инмаре, кӕчӕ шумпотӕм перӕс ӕксӕй! Нӕльз улӕямез бере, ӕксӕй туж жалӕм, куректӕм, угось котькытысь но, быдӕс дуннез котырӕяса, утчам сое. **Валамон ини**, табере перӕс ӕксӕй пичи нӕльызлы тужгес но бадӕзмзӕ кунзӕ сӕтӕм. Ӕгит ӕксӕй со вӕль кунзӕ соку ик ни улӕз бастӕм. Озыь соос али но уло-выло, кулӕлӕмтӕ на ке¹⁹.

В это время дверь открылась, и вошла молодого царя жена, старшего царя младшая дочь.

– Ой, Боже, как обрадовался старый царь! После того как прогнал дочь, царь очень жалел, горевал, искал её везде, объездив всю землю. **Уж понятно**, теперь старый царь дал младшей дочери большую часть владения государства. Молодой царь сразу же взял его под свое правление. Так они и живут сейчас, если не умерли.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-уверенность** выражена модальным словом **валамон**, модальной частицей **ини** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

Заключение

Необходимо еще раз отметить, рассмотренные в данной работе языки являются уникальными и обладают всеми средствами выражения модальности лексического уровня. На основе проанализированных примеров было установлено, что высказывания с модальными словами и модальными частицами в разных языках обладают схожими характеристиками:

- модальные маркеры с семантикой модальности во всех трех анализируемых языках указывают на определенную и известную из контекста информацию;
- эмотивный фон высказывания проявляется за счет различных модальных маркеров, которые конкретизируют и определяют коммуникативно-прагматическую направленность высказывания;
- коммуникативно-прагматические характеристики высказываний проявляют большую вариативность, что и указывает на множество субъективно-модальных оттенков модальных маркеров.

Также модальные маркеры в структуре высказывания указывают на чувства и эмоционально-экспрессивные реакции участников коммуникации.

В перспективе предполагается дальнейшее исследование заявленной проблематики, основанное на рассмотрении совокупности модальных средств: *модальная рамка + модальный глагол + модальная частица*.

¹⁶ Бенэдӕк Ӕлӕк. Зарни тюльпан: мадӕр выжыкылӕсӕ мадӕнӕс. Ижевск: Удмуртия, 2010. С. 21–22.

¹⁷ Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросӕс но повесть... С. 60.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Бенэдӕк Ӕлӕк. Зарни тюльпан: мадӕр выжыкылӕсӕ мадӕнӕс... С. 14.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Ошанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-когнитивной перспективы высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 22 с.
2. Ярыгина Е. С. Модус и модальность – терминологические синонимы? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2-2. С. 32–38.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с.
4. Гусева Л. А. Модальные слова как часть речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2. С. 109–113.
5. Блерица Т. А. Лексические средства выражения модальности возможности в английском, албанском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 63–71.
6. Ошанова Е. С. Средства выражения модальности в политической коммуникации в английском, немецком, русском и удмуртском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1. С. 115–124. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10115>
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
8. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001. 620 с.
10. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 7–32.
11. Аверина А. В. Грамматические свойства модальных слов в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 230–234. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.46>
12. Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. 194 с.
13. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевошиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
14. Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 59–67. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67>
15. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
16. Molnar A. Die Grammatikalisierung deutscher Modalpartikeln. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. 129 S.
17. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte // Grammatical Functions aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik (Linguistische Berichte Sonderheft 24). Hamburg: H. Buske, 2017. S. 76–108.
18. Gärtner H.-M. Root infinitivals and modal particles. An interim report // Discourse particles. Berlin: De Gruyter, 2017. P. 115–143.
19. Kummer M. Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja. Bonn: Inter Nations, 1984. 52 S.
20. Zifonun G., Hoffmann L. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin: De Gruyter, 1997. 2800 S.
21. Diewald G. "Abtönungspartikel" // Deutsche Wortarten / Hg. L. Hoffmann. Berlin: De Gruyter, 2007. S. 117–141.
22. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 2013. 484 S.
23. Helbig G., Helbig A. Deutsche Partikeln – richtig gebraucht? Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N. Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995. 224 S.
24. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 1990. 561 S.
25. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. Berlin: De Gruyter, 1995. 272 S.
26. Аверина А. В. Функции модальных маркеров в немецком художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 61–69. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

original article

Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt

Ekaterina S. Oshanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk; <https://orcid.org/0000-0003-1605-1315>; oshanova_katja@mail.ru

Received 24 Jun 2021. Accepted after peer review 28 Jul 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: The research considered the pragmatic identity of modal markers in German, Russian, and Udmurt. The research objective was to describe the semantic and pragmatic properties of modal utterances in order to establish the functional equivalence of modal markers in these languages. The utterances with modal markers demonstrated a whole complex of lexical means that express modality, probably, because these languages are actively developing, while maintaining the identity and culture of the peoples they represent. The pragmatic features of modal markers were studied in the process of communication on the basis of linguistic and extralinguistic (contextual) factors. The modal markers expressed various feelings and emotional responses; they revealed semantic and pragmatic unity and were responsible for the differences in the communicative and pragmatic characteristics of the utterances.

Keywords: modal words, modal particles, functional equivalence, communicative-pragmatic meanings, subjective-modal shades

Citation: Oshanova E. S. Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 805–813. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-805-813>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Oshanova E. S. *The role of modal particles in the formation of the cognitive base and the communicative-cognitive perspective of the utterance*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2017, 22. (In Russ.)
2. Yarygina E. S. Modus and modality – terminological synonyms? *Herald of Vyatka State Humanitarian University*, 2012, (2-2): 32–38. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. *The Russian language (the grammatical doctrine of the word)*, 4th ed. Moscow: Rus. iaz., 2001, 719. (In Russ.)
4. Guseva L. A. Modal words as part of speech. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (1-2): 109–113. (In Russ.)
5. Blerina T. A. Lexical means expressing modality opportunities in English, Albanian and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2011, (4): 63–71. (In Russ.)
6. Oshanova E. S. Means of modal and emotive expression in political communication in English, German, Russian and Udmurt. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, (1): 115–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10115>
7. Potebnia A. A. *From the notes on Russian grammar*. Moscow: Uchpedgiz, 1958, vol. 1–2, 536. (In Russ.)
8. Vinogradov V. V. Modality and modal words in Russian. *Studies in the Russian grammar: Selected works*. Moscow: Nauka, 1975, 53–87. (In Russ.)
9. Shakhmatov A. A. *Syntax of the Russian language*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2001, 620. (In Russ.)
10. Zhirmunsky V. M. The origin of parts of speech and their classification. *The theory of parts of speech in typologically different languages*, eds. Zhirmunsky V. M., Sunik O. P. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-ie, 1968, 7–32. (In Russ.)
11. Averina A. V. Grammatical features of modal words in the German and Russian languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, 13(2) 230–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.46>
12. Kibardina T. M. *Means of expressing modality in the Udmurt language*. Izhevsk: Udmurt. un-t, 2012, 194. (In Russ.)
13. *Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology*, ed. Perevoshchikov P. N. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo, 1962, 376. (In Russ.)
14. Averina A. V. Modal particles in the sentence structure (in German and Russian languages). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, (2): 59–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67>
15. Thurmair M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989, 314.
16. Molnar A. *Die Grammatikalisierung deutscher Modalpartikeln*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002, 129.
17. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte. *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik (Linguistische Berichte Sonderheft 24)*. Hamburg: H. Buske, 2017, 76–108.

18. Gärtner H.-M. Root infinitivals and modal particles. An interim report. *Discourse particles*. Berlin: De Gruyter, 2017, 115–143.
19. Kummer M. *Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja*. Bonn: Inter Nations, 1984, 52.
20. Zifonun G., Hoffmann L. *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin: De Gruyter, 1997, 2800.
21. Diewald G. "Abtönungspartikel". *Deutsche Wortarten*, Hg. Hoffmann L. Berlin: De Gruyter, 2007, 117–141.
22. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 2013, 484.
23. Helbig G., Helbig A. *Deutsche Partikeln – richtig gebraucht?* Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N. Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995, 224.
24. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner, 1990, 561.
25. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. *Studienbuch Linguistik*. Berlin: De Gruyter, 1995, 272.
26. Averina A. V. Functions of modal components in German fiction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, (1): 61–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>